

(«О заимствованиях русских писателей», 1853) и т. п., и кончая недостаточно понятой книгой Алексея Веселовского «Западное влияние в русской литературе» (1883; изд. 5-е, 1916), — повсюду настойчиво проводился взгляд на несамостоятельный характер литературы XVIII века. Отрицать заимствования в подавляющей их части было бы просто бессмысленно. И литературоведы, изучавшие XVIII век в 20—30-е годы, этого и не делали. Однако к истолкованию этих заимствований они подходили совершенно иначе. Исследователи ставили своей задачей показать и доказать, с какой целью, вызванной самим развитием русской литературы, делались эти заимствования, какие задачи, стоявшие перед русскими писателями XVIII века, решались с помощью этих заимствований. Короче говоря: если дореволюционных исследователей литературы XVIII в. интересовало установление самого факта заимствований и на этом они считали себя вправе остановиться, то для советских литературоведов было важно определить, в каких исторических условиях, с какой целью делались заимствования и как органически включались они в развитие русской литературы XVIII века.

Подобный подход позволил исследователям понять заимствования писателей XVIII века не как основу развития литературы этого периода, а лишь как одно из средств литературно-общественной борьбы в тогдашней русской действительности. В результате этого отпало самое понятие «подражательности» и «несамостоятельности» русской литературы XVIII века.

Правильное понимание проблемы заимствований стало возможным только потому, что, стоя на почве марксистско-ленинской философии, исследователи русской литературы XVIII века отказались от буржуазной трактовки литературного процесса как «единого потока». Не отвергая понятия «национальная литература», не впадая в грех вульгарного социологизма, видевшего вместо единой национальной литературы механическую сумму дворянской, мещанской и крестьянской литератур, обособленно, независимо друг от друга существующих, исследователи 20—30-х годов признали основой развития литературы XVIII века идейно-художественную борьбу, аналогично тому, как собственно историки видят в истории русского общества XVIII века, разделенного на антагонистические классы, но в то же время единого, борьбу классов, борьбу общественно-экономическую и социально-политическую.

Там, где дореволюционные литературоведы, как, например, В. В. Сиповский, видели суммарное «русское общественное самосознание» или «русское свободомыслие XVIII в.», где вульгарные социологи находили «чуждую, враждебную пролетариату»